

Ф. К. Караев (Москва)

Мой друг — НиКо

Мы познакомились на одной из встреч молодых композиторов, кажется, это было в начале восьмидесятых в Минске; такие встречи регулярно проводились Союзом композиторов СССР и были для нас, живущих в разных городах и республиках, чрезвычайно полезны. Высокий, голубоглазый бородач-москвич, автор уже известного в Баку «Ярило», привлекал внимание к своей персоне, к нему тянулись, с ним хотелось общаться, но он, не допуская ни малейшего панибратства, был «закрыт» для посторонних — ему без труда удавалось держать собеседника на достаточно комфортном для себя расстоянии.

После прослушивания моей 45-минутной Сонаты для двух исполнителей, когда в аудитории осталась всего пара-тройка наиболее стойких коллег, «бородач» пытался высказать свое критическое замечание по поводу одного лишь крошечного эпизода, но получил довольно резкий и несправедливый отпор автора... после чего оппоненты уже не расставались до конца встречи.

Отношения наши складывались в неровном пунктирном ритме.

Жили в разных городах одной страны, позже — оба в Москве, после распада страны — на разных континентах. В Москве нас связывала АСМ-2, общение с Эдисоном Васильевичем Денисовым, совместные поездки за рубеж — мы тесно общались и неизменно сближались в наших музыкальных путешествиях по Европе. Возвращаясь домой, вновь расходились по своим углам, перезваниваясь довольно редко, и встречались в основном на АСМовских собраниях в Союзе композиторов, на которых каждый из присутствующих был бы не прочь услышать его слова одобрения о только что прослушанном сочинении. А такое бывало далеко не всегда — помню, моя «Маленькая музыка печальной ночи», представленная автором после прослушивания как опус, возвращенный из одной единственной идеи — звуков низкой маримбы, — получил ироническую ухмылку, сопровождаемую бормотанием: «Оно и видно...» — которая тут же была, впрочем, прилюдно дезавуирована достаточно высокой оценкой.

И даже самому Эдисону Васильевичу как-то было указано на банальное ведение виолончелей и контрабасов в октаву, что привело нашего несгибаемого шефа в великое смущение.

После переезда Корндорфа в Канаду письма — еще в докомпьютерную эру — пересылались с оказией, они в большинстве своем сохранились. Позже, во времена электронной почты, общение многократно упростилось, но большая часть многолетней переписки исчезла в недрах зараженного вирусом компьютера.

Переписка, век XX

Вот одно из первых писем. Наши обращения друг к другу еще вполне традиционны: «Дорогой мой Фарадж, дорогой Коля». И даже: «Дорогой Фараджик!» (на листе «München. Penta Hotel», 199?):

Вспомнил, что именно так называла тебя жена моего покойного учителя Лео Морицевича Гинзбурга <...>. Такое обращение звучит на мой слух очень ласково. Так что позволь обращаться к тебе таким образом.

<...> Теперь о своей жизни и о плюсах и минусах. Живу, как уже писал, очень спокойной и содержательной жизнью, много работаю, т. е. пишу. Если не пишу, то слушаю музыку, если не слушаю музыку, то работаю в электронной студии Университета, т. е. весь день в музыке.

<...> Минус, пожалуй, один. Наш Ванкувер, да и вся Канада в целом — провинция. Никакого сравнения с музыкальной жизнью Европы быть не может, если иметь в виду концерты, спектакли и музыкальные Фестивали.

<...> Конечно, хорошо бы иметь постоянную работу, но и без нее жить можно и это даже спокойнее — больше времени на музыку. Но все-таки очень далеко от центра — Германия, Англия. 9 часов лета. С исполнениями очень трудно. Для меня, во всяком случае. <...> Здесь все упирается в деньги, т. к. государство практически ничего не дает, всё существует за счет частных дотаций. А то, что дает государство, пожирается бюрократией, либо снова длинная очередь.

<...> Так что если говорить о перспективах исполнения, то я их почти не вижу. В общем, ты абсолютно прав в самом принципе постановки вопроса: какие приобретения и какие потери. Ты прав: каждое приобретение сопровождается некой потерей, и наоборот.

<...> Обнимаю тебя. Всего тебе доброго, а главное — душевных и моральных сил.

Твой Коля

8 февраля 1994 (открытка)

Дорогой Фарадж! Спасибо за письмо. Оно, конечно, очень грустное, <...> и хочется что-то сказать в поддержку, а что — не знаешь. Конечно, 50 лет — это рубеж. И, конечно, хочется чего-то достигнуть к этому времени. Но мы часто понимаем под словом «достигнуть» общественное положение, а не собственно наши достижения. А кто из здравствующих великих может похвастать, что написал сочинение типа «НЕМНОГО МУЗЫКИ ДЛЯ ДЖОРДЖА КРАМБА» или как «СОНАТА ДЛЯ 2-Х»... Думаю, что только [В. В.] Сильвестров и [А. А.] Кнайфель <...>.

Кстати, интересное совпадение. Ты, оказывается, родился в день моих именин (не в день рождения), т. е. в день Святого Николая Мирликийского, в честь которого я был назван. А я всё думал, что нас такое из области духа связывает? Держись, дорогой мой, крепись, и «не позволяй душе лениться». И помни также, что «пораженье от победы ты сам не должен отличать». Это не означает, что каждое поражение нужно считать победой (а многие так и делают), просто на это не надо обращать внимания. Работай и старайся делать как можно лучше.

Очень жду письма — подробного, обещанного.

Твой Коля

12 ноября 1999

Дорогой Коля <...>

Что слышно у тебя? Есть ли что-нибудь новое для НЕБОЛЬШИХ составов? Длительностью до 20 минут? Буду рад, если получу что-то подобное, заверяя, что сделаю всё возможное для того, что бы ЭТО исполнилось и в Москве, и в Баку.

Ну, вот как будто и всё, пиши, как выкроишь время. <...>

Обнимаю крепко, искренне твой

Фарадж

Через несколько лет — вновь о том же.

Видимо, действительно, 19. 12. связывало нас каким-то непостижимым образом.

24 декабря 1999

Дорогой мой Фарадж.

Поздравляю тебя с днем рождения. <...> желаю тебе, как это ни банально звучит, счастья. Чтобы ты был счастлив, и люди, живущие рядом с тобой, были счастливы.

Знаешь ли ты, в какой знаменательный день родился? Выборы в Думу и день рождения товарища Брежнева — ерунда. Ты родился в день моих именин. Так что мы с тобой крепко повязаны. А ты и не догадывался.

Обнимаю тебя, дорогой мой.

Твой Коля

Июнь 1999 (после московского концерта в Музее имени М. И. Глинки)

Дорогой Коля,

с благополучным — надеюсь!!! — возвращением домой. Жаль, что «плотно» не свиделись, но и то, что удалось, лучше, чем ничего. Спасибо за музыку: Квартет произвел огромное впечатление, это — настоящее. Орган — тоже очень и очень...

Обнимаю, пиши

искренне твой Фарадж

20 декабря 1999

Дорогой Коля,

спасибо за поздравление, очень-очень тронут!!!

Сейчас я в Баку, в Москву лечу 24-го утром: в 17.00 заседание кафедры, на котором буду отчитываться о проделанной работе оркестровкой Десятой сонаты А. Скрябина.

Концерт пишу (должен!!!) не для Гидона [Кремера] — солист пока не известен. Таня Рексрот сказала лишь то, что это должна быть европейски достаточно известная личность, ибо композитор — личность европейски достаточно малоизвестная.

...Пока всё, подробнее — из столицы матушки России.

Обнимаю, с наступающим Новым Годом, всего-всего-всего!!!

Привет домашним — твой ФаКа

Свои партитуры (с голосами) присылай, не откладывая, по адресу:

YENI MUSIQI society for contemporary music

Naqverdiyev str. 3A — 32

BAKU 370141 AZERBAIJAN

Проходит немного времени и наши обращения друг к другу становятся уже менее традиционными: *НиКо* / *ФаКа*. Возникло сие абсолютно случайно — очень уж ладная получилась аббревиатура: *НИ*колай *КО*рндорф. Но на мою подпись *ФаКа* было справедливо замечено, что звучит сие на *аглицком* не столь уж и удобоваримо.

21 декабря 1999

Дорогой НиКо,

<...> Я подписываюсь *ФаКа*, имея в виду именно <...> мое отношение к окружающему нас миру и населяющим его людям. Ну и т. д...

Обнимаю крепко, твой ФаКа (sic!), тем не менее...

21 дек. 99 г. (В день рождения Осипа Виссарионовича Славина)

24 декабря 1999

Дорогой ФаКа!

Не слишком ли сурово твое отношение к окружающему нас миру и населяющим его людям? Посылать всех (именно ВСЕХ) на... — дело достаточно рискованное. Можно по ошибке и очень близких и дорогих людей туда послать...

У меня к тебе просьба. <...> Пару недель назад я просил <...> [В. А.] Екимовского, но от него ни ответа, ни привета. Почему он мне не отвечает — не знаю <...>.

Та же история с [И. Л.] Кефалиди (не отвечает мне три месяца). Не думаю, что я их мог чем-то обидеть, хотя, может быть, и мог. Иногда я — по-старости — говорю не то.

Прочитал твои слова о композиторе, который «европейски личность достаточно малоизвестная», и загрустил. В этом есть большая несправедливость. Обсуждаемый нами композитор — очень оригинален, очень самобытен, мне трудно сказать, на кого он похож, он абсолютно сам по себе. Не могу сказать, что всё у него шедевры, но лучшее (чего достаточно количество) на самом высоком международном, мировом, а не только европейском, уровне. И он — не известен. А его коллеги, пишущие в *mainstream'e*, европейски известны и исполняемы. Остается только надеяться, что время всё расставит на свои места. <...>

Обнимаю.

НиКо

30 декабря 1999

Дорогой НиКо,

мое ФаКа относится ко всем приматам нашего шарика кроме тех, кого я действительно люблю.

Переписка, век XXI**17 января 2000**

Дорогой мой НиКо, спасибо за Крамба! Если не затруднит тебя, то, конечно же, посылай ему мою пьесу. Он, видимо, позабыл, мы с ним познакомились в Москве у Саши Ивашкина, и я рассказал ему о моей

пьесе. Он был чрезвычайно польщен ее названием, это было ясно по его виду. <...>

Обнимаю крепко, твой ФаКа

14 декабря 2000

Дорогой мой ФаКа!

Только что получил твое письмо и сразу отвечаю, так как надеюсь заставить тебя в Баку.

1. Твое столь долгое молчание я объяснял правильно: трудностями жизни, хотя, нет-нет, да и закрадывались подозрения: а не обидел ли я чем-нибудь тебя? ТаВл¹ в Айова-сити говорил мне, что все у тебя превосходно. <...>

2. Писать тебе мне не просто в охотку, а в удовольствие, что ты бы мог почувствовать, если бы получил все мои письма за апрель и май месяцы. Полагаю, что ты их не получал, по объясненным тобою причинам (недоступность к компьютеру).

3. Ты, видимо, забыл, что на твою просьбу прислать что-нибудь для исполнения в Баку я ответил вопросом относительно состава. Ты мне назвал такой состав, для которого у меня ничего нет. Тогда я послал тебе свои возможные варианты и их составы с просьбой назвать, что может подойти. <...>

4. О своей музыке можешь не писать, лучше пришли запись. Тогда я тебе о ней сам напишу и растолкую, что к чему <...>.

5. Рад, что ты стал профессором. <...>

8. Этот год был у меня трудным по части здоровья и по некоторым другим (несемейным) обстоятельствам. Не писал музыки с конца апреля — не было совершенно времени. Только недавно опять приступил к достаточно регулярным занятиям. Зато съездил в блиц-поездку в американскую глубинку, где с удовольствием пообщался с российскими коллегами, и на 10 дней на Тайвань. Это было очень и очень интересно. Играют там на европейских инструментах очень и очень прилично. <...>

10. Буду рад, если получу от тебя следующее письмо не через 8 месяцев, а ранее.

Твой НиКо

¹ НиКо/ФаКа неизбежно повлекло за собой немного ироничные ТаВл, ВЕки, КеФИ... ФахР... ВуАл... [это коллеги по АСМу — Владимир Тарнопольский, Виктор Екимовский, Игорь Кефалиди, Рауф Фархадов, Александр Вустин. — *Ред.*]

Это — то небольшое, что удалось выудить из недр компьютера. Позже я несколько раз писал в Канаду, пытался уговорить НиКо вернуться в Москву, писал, что у А. С. Соколова возникла отличная идея — открыть для музыковедов еще одну кафедру инструментовки и что место заведующего новой кафедрой — именно его место.

Но всё осталось по-прежнему...

Его кончина стала ударом для всех, а для нас, АСМовцев, — еще одной невосполнимой потерей после ухода Эдисона Васильевича.